

Глава 14.

**Что такое справедливость: крестьяне против чиновников
в борьбе за основания раскладки**

Выяснив механизм действия схода как раскладчика податей, пора перейти к главному – к обзору результатов его работы по этой части. Одно из ключевых отличий сельского схода от городских раскладочных присутствий – право самостоятельно выбирать основания раскладки налогов. Именно основания раскладки привлекали наибольшее внимание чиновников, надзиравших за податным делом. И именно отношения чиновников с крестьянами оказываются полем для выводов, важных с точки зрения эволюции податной системы в целом.

*От ревизской души к годному работнику:
наблюдения статистиков*

Проблема доверия раскладки налогов крестьянской общине с точки зрения чиновников не сводится к проблеме крестьянской честности. Это и ещё и проблема правильности методов раскладки. Если богатому и бедному назначается одинаковая сумма, то хотя законы и соблюдены, создаётся риск чрезмерного отягощения части плательщиков. Отсюда вытекает опасность не только накопления налоговых недоимок, но и, ещё хуже, разорения слабых хозяйств.

Вот почему уже в 1880-е гг. основания раскладки, используемые сибирскими крестьянами, становились предметом специального изучения группы статистиков. По итогам их работ были изданы многотомные «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири». Томский округ (так до 1898 г. назывались в Сибири уезды) изучали два человека.

С.П. Каффка, изучавший юго-западную часть Томского округа, в налоговом разделе своей работы обратил первоочередное внимание на недоимки. Автор был уверен, что главная их причина – «неправильные податные раскладки, так как до последнего времени платежи ложились не на положительную ценность, т.е. на имущество и на рабочие руки, а на фиктивную "душу"»³⁰³. Каффка пояснил, что в изученных волостях используются раскладки по «живым ревизским душам» и по «наличным ревизским душам»; притом последний способ лучше обеспечивает отсутствие недоимок, тогда как первый создаёт для них предпосылку. Ни одно из этих двух понятий не соответствует понятию ревизской души в его строгом смысле (любой, кто учтён в переписи, будь то живой или мёртвый). Оба приведённых

³⁰³ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XV. Экономический быт государственных крестьян и оседлых инородцев юго-западной части Томского округа Томской губернии. Исследование С.П. Каффки. СПб, 1892. С. 221–222.

Каффкой понятия показывают движение крестьянских раскладок от обложения ревизской души как учётной единицы к обложению рабочей силы. В то же время, мы видим и предел этого продвижения: даже формулировка «годный работник» ещё не используется.

А.А. Кауфман, на долю которого достались восточная часть Томского округа и северо-западная часть Мариинского округа, обнаружил подведомственные ему общины в состоянии постепенного вытеснения ревизской раскладки раскладкой трудовой. Крестьяне, пишет Кауфман, долго после последней ревизии (1857 г.) верили в обязательность ревизских сказок, «и только последовавшим в начале восьмидесятых годов разъяснением со стороны местного начальства удалось поколебать эту веру, да и то – удалось не вполне. И до настоящего времени *начало обложения рабочей силы, несомненно доминирующее теперь в раскладочных порядках исследованного края, ещё не окончательно вытеснило ревизский принцип*»³⁰⁴. Явным признаком этого перехода он называет выделение в качестве особых субъектов обложения «полугодных работников» («полудушек») – льготное обложение для стариков и «малолетов». Разбору примеров этого рода посвящена основная часть податного раздела его работы³⁰⁵. Раскладка же «по состоянию» (прежде всего – пропорционально земельному наделу) упоминается им лишь как «небольшой корректив» к раскладке по годным работникам.

Итак, авторы статистических обследований конца 1880-х – начала 1890-х гг. сообщают, что томская деревня в основном уже отказалась от использования ревизских душ в строгом смысле этого слова и переходит к развёрстке налогов по рабочей силе домохозяйств. Но имущественный принцип в 1880-е гг. использовался лишь как исключение.

**«По состоянию» и по годным работникам:
казённые налоги – отдельно от мирских**

Раскладки начала XX в. мы можем изучать по первоисточникам. В фондах податных инспекторов и Томской казённой палаты сохранились подборки раскладочных приговоров различных сёл Томского уезда за те годы, которые связаны с крупными переменами в крестьянских налогах: 1899 (первый год без подушной подати в Сибири), 1904 (первый год без круговой поруки в Европейской России) и 1906–1908 гг. (отмена круговой поруки в Сибири). Вся коллекция включает приговоры по двумя десяткам волостей. Лучше других представлены Богородская и Семилужная волости, дающие в сумме 333 приговора.

³⁰⁴ Кауфман А.А. Общинные порядки восточных волостей Томского округа и северо-западной половины Мариинского округа. Томск, 1895. С. 67. Курсив автора.

³⁰⁵ Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Вып. XVIII. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии. Исследование А.А. Кауфмана. Том II. СПб, 1892. С. 368–393.

При этом 1907 и 1908 гг. закрыты приговорами по этим двум волостям почти исчерпывающе. По другим годам (1904 – для Богородской, 1906 – для Семилужной волости) сохранились приговоры от более чем половины всех селений, указанных в Списках населённых мест. Это допускает если не уяснение картины во всех подробностях, то, по крайней мере – определение тенденций. На основе базы данных по этим двум волостям была выполнена дипломная работа А.Е. Пановой³⁰⁶, позволяющая сделать некоторые принципиально важные выводы.

Даже беглый взгляд на раскладки по Богородской волости открывает поразительную картину: казённые налоги (государственная оброчная подать, губернский земский сбор³⁰⁷) и мирские (волостные, сельские) раскладываются, как правило, на разных основаниях.

Вот данные по Богородской волости: крупнейшие статьи раскладки казённых налогов – десятины пашни, коровы, лошади, сенокосные угодья (от 14 до 34 % на каждую из этих статей). Для мирских же сборов значение каждой из этих статей не выходит за рамки 4 % (в 1907 и 1908 гг. даже равняется нулю), тогда как львиная доля налога (от 83 до 94 % в разные годы) раскладывается по годным работникам³⁰⁸. Обобщая, можно сказать, что раскладка казённых налогов тяготеет к имущественным признакам, мирских – к учёту годных работников.

Чем можно объяснить это явление? Ответить помогает внутренний анализ приговоров. Он явно показывает, что уже в 1899 г. на методы раскладки влияли специальные циркуляры начальства. Влияние циркуляров угадывается за счёт шаблона, повторяемого разными селениями; наличие циркуляров прямо указывается в некоторых приговорах; наконец, и само содержание циркуляров иногда излагается во вводной части документа.

В приговоре Воронинского схода Семилужной волости от 15 февраля 1899 г. читаем: «Объявлена нам копия с циркуляра Господина Крестьянского Начальника 2-го участка Томского уезда³⁰⁹ от 10 января с.г. за № 1-м,

³⁰⁶ Панова А.Е. Крестьянская община как податной механизм в начале XX века. (По материалам Богородской и Семилужной волостей Томского уезда Томской губернии) / Выпускная квалификационная работа на соискание степени бакалавра. Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2014.

³⁰⁷ Для Европейской России земские сборы – это местные налоги, получаемые деньги расходуются местным самоуправлением. В тех губерниях, где земских собраний не было (и в Сибири тоже), земские налоги расходовались чиновниками. Совершенно логично, что сибирские крестьяне числили их казёнными.

³⁰⁸ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Раскладку подати произвести не прежним порядком...»: раскладки казённых и мирских сборов крестьянами Богородской волости Томского уезда в начале XX века // Экономическая история. 2014. № 3 (26). С. 24–30.

³⁰⁹ В документе перед словом «уезда» стоит слово «округа», взятое в скобки – обычный писарский способ исправлять ошибки без зачёркивания. Округа были переименованы в уезды совсем недавно, воронинский писарь ещё не успел отвыкнуть от старого словосочетания.

относительно раскладу казенных податей и повинностей, с тем чтобы расклад происходил не подушно, как это практиковалось ранее, а поимущественно, т.е. на число десятин, засеянных хлебом, на число голов разного скота и на число ульев пчел»³¹⁰.

Не все общества в равной степени точно выполняли упомянутый циркуляр, некоторые и вовсе его игнорировали, среди оснований раскладки упоминались кое-где даже ревизские души. Таким образом, воздействие чиновников на раскладки в 1899 г. оказалось целенаправленным, но недостаточно действенным. В 1901 г. новый толчок делу дал циркуляр самого Томского губернатора. О его содержании позволяет судить приговор Русаковского сельского общества Кайлинской волости, составленный несколько лет спустя: «Руководствуясь Циркуляром Г-на Томского Губернатора 1901 года за № 16448 и распоряжением Г-на Крестьянского Начальника, объявленными волостным правлением, мы единогласно Постановили: раскладку оброчной подати и губер[нского] земского сбора за 1-ю половину сего 1907 года <...> произвести сообразно подоходности, получаемой каждым крестьянским двором от личного труда и от всего имущества...»³¹¹. Далее указывалась принятая доходность работника каждой возрастной группы, каждого вида скота и посева; затем подсчитывался доход, получаемый всем обществом от всех наличных годных работников, десятин и голов скота; после этого вычислялся процент платежа с каждого рубля дохода.

Конечно, одинаковый с каждой головы и десятины «доход» был не более чем теоретической конструкцией чиновников. На деле речь идёт о зажиточности и о доходоспособности хозяйств. Поэтому многие сельские общества, упрощая процедуру, сразу определяли, каким налогом облагается то или иное основание раскладки (например, по рублю с головы скота и десятины посева). Тщательность Русаковского схода в соблюдении циркуляра № 16448 нетипична; но именно она даёт нам возможность понять замысел чиновников. Требуя того, что выливается на деле в раскладку пропорционально имуществу (и рабочей силе), они мечтали о подоходном обложении. Борясь за прогрессивное новшество в городских налогах, они внедряли то же самое и у крестьян.

Раздельная раскладка как компромисс: чиновники – крестьянам

Степень воздействия циркуляров была неодинаковой. Где-то крестьяне копировали полностью весь шаблон, переписывая даже те статьи, которые им не требовались (например, в Кайлинской волости частью шаблона оказались маслодельные заводы: они включались в перечень оснований раскладки, даже если, как выяснялось далее по тексту, отсутствовали на самом деле)³¹². В других случаях циркуляр не использовался вообще.

³¹⁰ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 20. Л. 37 об.

³¹¹ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 213. Л. 214–214 об.

³¹² ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 173. Л. 16–16 об.

Податной инспектор Федорченко (Томский уезд) сообщал в казённую палату, что циркуляр № 16448 оказался позабыт довольно быстро, и перед началом очередной раскладочной кампании, в конце 1903 г., о нём пришлось напоминать: «г.г. Крестьянскими Начальниками было объявлено, что приговоры³¹³ о раскладках, несогласные с основаниями означенного циркуляра, не будут утверждаемы. При этом было рекомендовано мирские сборы раскладывать на установившихся в волости основаниях по соображению с местными условиями; натуральные, переведенные на деньги, повинности разверстывать по годным работникам, как это и соответствует закону и сущности сих повинностей, но зато совершенно исключить годных работников из числа оснований для разверстки казенных и земских сборов, каковые раскладывать исключительно по сельскохозяйственным занятиям, в числе коих земледелию и скотоводству должны быть отведены главные места»³¹⁴.

Описанный инспектором Федорченко метод раскладки казённых налогов вполне соответствует той борьбе за подходное начало, которую мы уже видели. Но тогда почему в «рекомендациях» крестьянских начальников (которые, конечно, были согласованы с податным инспектором, действовавшим в духе решений казённой палаты) присутствует раскладка по годным работникам? Эта раскладка не просто допускается, но даже как будто предписывается для мирских налогов, поступления от которых используются в основном на собственно крестьянские нужды (в широком понимании последнего понятия). При этом раскладка по годным работникам воспринимается как то, против чего ведётся борьба, и по смыслу она противопоставляется («но зато совершенно исключить») раскладке по занятиям. Чиновники явно рассчитывали, что раскладка по занятиям вызовет недовольство крестьян.

В томской коллекции есть документ, который подтверждает справедливость этих опасений. Это Муринский (Богородской волости) раскладочный приговор 1904 г. Вопреки обычаю своей волости, муринцы разложили налоги не по отдельности (казённые против мирских), а все вместе, одной суммой – хотя и с учётом разных показателей: 195 руб. – «на число душ», 352 руб. – «на занятия» (по числу засеянных хлебом десятин, по числу лошадей и по головам крупного рогатого скота). Во вводной части, среди стандартных слов о явке и о повестке, встречаем неожиданное пояснение: «Хотя бы и следовало казённые подати расположить отдельно от волостных и сельских повинностей, но так как некоторые домохозяева, если расположить казённую подать на имущество, останутся почти ни в чем, а потому приговорили» – и далее излагаются названные выше условия³¹⁵.

³¹³ В подлиннике: «приговора».

³¹⁴ ГАТО. Ф. Ф-200. Оп. 1. Д. 180. Л. 25–26 об.

³¹⁵ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Раскладку подати произвести не прежним порядком...»: раскладки казённых и мирских сборов крестьянами Богородской

Из замысловатой формулы муринского писаря видно, что крестьяне выступают против спущенного сверху шаблона, который «следовало бы» воплотить, но обложение «по состоянию» хотя бы даже только казёнными налогами (даже с учётом того, что местные сборы будут разложены по годным работникам) представляется влиятельным людям Муринского схода чересчур тяжёлым. Смысл того отступления от шаблона, которое они рискуют предпринять, состоит в ослаблении материальных оснований раскладки и увеличении роли «душ» (которые, очевидно, в данном случае означают годных работников).

Благодаря «Муринскому бунту» мы можем теперь увидеть то противоречие, которое в других селениях осталось замаскированным. Имущественный признак в богородских раскладках присутствовал вследствие давления извне и очень раздражал часть крестьян.

Вообще говоря, использование имущественного признака не обязательно было связано с разбивкой налогов на местные и казённые. Однако в муринском приговоре это оказались пункты одного перечня. Таковы были условия компромисса, предложенного крестьянам чиновниками: мы вам разрешаем раскладывать мирские налоги, как угодно (по годным работникам), а вы «зато» раскладываете казённые так, как считаем правильным мы («по состоянию»).

Годный работник, «душа» и земля: три маски одного явления

Снисходительная уступка чиновников выдаёт с головой их представления о консервативной сути годных работников как основания раскладки. В сознании наших борцов за подоходный принцип годный работник недалеко стоит от ревизской души. Между тем, смысл используемых крестьянами понятий – отдельная тема, поле для самых интересных находок.

Для изучения этого поля нам пригодятся раскладки по Семилужной волости. Дело в том, что семилуженские раскладки, как это ни удивительно, радикально отличались от богородских. Чистоты разделения на казённые и мирские сборы нет и в помине. Два ведущих основания раскладки – это «души» (от 72 до 69 % в 1907 и 1908 гг.) и годные работники (от 16 до 18 %). Ни одно из тех оснований, которые были ведущими в Богородской волости (лошади, коровы, сенокосы, десятины земли) существенной роли у семилуженцев не играет³¹⁶.

Первый же вопрос, возникающий при взгляде на эти цифры: души и годные работники – это одно и то же или существенно разные понятия? Не

волости Томского уезда в начале XX века // Экономическая история. 2014. № 3 (26). С. 24–30.

³¹⁶ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Душа» против «состояния»: невинный смысл крестьянских налоговых раскладок в России начала XX века (на материалах Богородской и Семилужной волостей Томского уезда) // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 47. С 48–58.

идёт ли речь о том, что две трети налогов по Семилужной волости раскладываются по старинным ревизским сказкам?!

Тщательное изучение документов позволяет ответить на этот вопрос. Из 200 приговоров по Семилужной волости раскладка по душам встречается в 155 документах, в том числе в 128 формулировки позволяют раскрыть подтекст используемого понятия. Из этого числа только в 12 случаях можно полагать, что под «душами» скрываются годные работники. Это те случаи, где указывается возраст «душ» (например: «Разложить на 125 наличных душ мужского пола от 13 до 70 лет») либо указано дробное число душ (и значит, за «полдуши» идут слабосильные «малолетки» или старики).

В подавляющем же большинстве случаев (116 из 128) подушевая раскладка неразрывно связана с наделом. «Разложили по числу душ, получивших земельный надел», «Разложили на нарезок земли», «Разложить на водворенные души» – таковы основные разновидности этих формулировок. Первые две понятны сами по себе, смысл последней поясняется приговором Орловского общества Семилужной волости: «[поскольку] в нашем обществе земля и все угодия разделены по водворённым душам, то и все платежи должны быть разделены согласно земельного раздела»³¹⁷.

Итак: подавляющее большинство подушевых формул допускает раскрытие их смысла, причём они разбиваются на две группы – завязанные на годных работников и завязанные на земельный надел. Соотношение цифр (12 : 116) показывает явное преобладание последних. И есть основания полагать, что на деле это преобладание ещё более значительно.

Редкий случай произошёл в Мало-Жировском сельском обществе (Ишимская волость Томского уезда) в 1908 г. Одним из оснований раскладки здесь были выбраны «наличные души» с уточнением: «от 15-летнего возраста до полной дряхлости», за вычетом отсутствующих – то есть, по существу, годные работники. Староста обжаловал раскладку, указав, что в неё включён его отец – немощный старик, перешагнувший черту «полной дряхлости». Податной инспектор попросил крестьянского начальника добиться исправления неверной раскладки. Однако тот, обсудив дело с крестьянами, нашёл требование инспектора несправедливым и посоветовал «более правильный» путь к освобождению обиженного от налогов: «отказ его от земельного надела» с передачей освободившейся земли «в распоряжение названного общества»³¹⁸. Земельный надел не упоминался в приговоре даже намёком, и тем не менее, оказалось, что на самом деле именно право на землю и выступало истинным содержанием понятия «наличная душа».

Маро-Жировский случай, нежданно раскрывший то, что обычно оставалось под спудом, даёт веское основание полагать, что и «годные работники» – формула, в конце концов неразрывно связанная с земельным наделом. Таким образом, крестьянские «души», на вкус чиновников

³¹⁷ Кириллов А.К., Панова А.Е. «Душа» против «состояния»...

³¹⁸ Там же.

отдающие формализмом ревизских сказок, по сути дела оказываются связаны с производительной силой крестьянского хозяйства – равно зависевшей в Западной Сибири и от наличия земли, и от дееспособности работника.

Позволяя нам убедиться, что речь в начале XX в. не идёт об использовании допотопных «ревизских душ», всё вышесказанное, однако, не объясняет расхождения между двумя нашими волостями. При всех сделанных уточнениях они остаются по разные стороны баррикады: Богородская волость стремится раскладывать по состоятельности (скот, десятины пашни и сенокоса), а Семилужная – с опорой на рабочую силу крестьян («душа», годный работник, надел). Пытаясь всё же объяснить это различие, невозможно отказаться от мысли о роли административного фактора.

В Богородской волости чётко соблюдается принцип раздельной раскладки казённых и мирских сборов, рекомендованный губернаторским циркуляром. В Семилужной – вся сумма налогов зачастую раскладывается на одних и тех же основаниях. Богородцы, подсчитывая рабочую силу, используют предписанное в циркуляре понятие «годные работники»; семилуженцы – нелюбимые чиновниками, но более привычные крестьянам «души». То ли волостной старшина у богородцев был строже, то ли крестьянский начальник суровее, но дисциплинированность приговоров по волости явно выше.

В то же время, и экономическое положение двух волостей было разным. Крестьяне Богородской волости вели традиционное хозяйство, завязанное на сельскохозяйственные работы. Семилужная же волость располагалась ближе к Томску – крупному административному и торгово-промышленному центру, здесь более весомы сторонние заработки, которые не связаны с признаками хозяйственной состоятельности, а связаны именно с «годным работником» (правда, в этом случае выглядит не вполне логичной жёсткая связь между годными работниками и земельным наделом).

Изучение крестьянских раскладочных приговоров только начинается. Новые волости, новые уезды и губернии с их экономическими, административными и культурными особенностями неизбежно дадут новые отличия от известных до сих пор моделей. Но и на уже имеющемся материале можно увидеть тот результат, который дало применение либеральных идей к действительному взиманию налогов с крестьян. Это результат одновременно выдающийся и ограниченный. Реформаторы стремились к обложению крестьянского хозяйства на основе учёта доходности – и раскладка по материальным основаниям действительно проникала в жизнь, к радости одних крестьян и вопреки сопротивлению других. В то же время, раскладки «по состоянию» стремились к учёту не собственно дохода (как то закладывалось в инструкцию), а производительных сил каждого хозяйства, будь то земля или скот. Но ведь и наиболее желанный для крестьян (и нежеланный для чиновников) способ раскладки – по годным работникам – являлся, по существу, одним из способов оценки производительных сил хозяйства. Доход же в городском понимании (в виде торговой выручки или ежемесячной зарплаты) не делал погоды в деревне, с её опорой на

натуральное хозяйство. Если чиновники смотрели на налогооблагаемую базу глазами получателя жалованья, то крестьяне – глазами хозяина, который сам себя обеспечивает.

Спущенные крестьянам инструкции противоречили деревенской жизни – и крестьяне не воплотили их «по-настоящему», хотя и «взяли под козырёк». Увернувшись от неуместных инструкций, они, к удивлению чиновников, не попытались увернуться от налогов как таковых. Крестьяне привыкли быть тяглым сословием, на котором держится государство – и не привыкли искать юридических зацепок для отказа от того, что казалось естественным. Именно эта привычка стала решающим условием для того превращения, которое ставит точку в истории дореволюционной налоговой системы.